

Борис Пильняк

Волки

ФТМ

Борис Пильняк

Волки

«ФТМ»

Пильняк Б. А.

Волки / Б. А. Пильняк — «ФТМ»,

«Мужичок, говорил таинственно: – Товарищи, – спиртику не надоть ли? Спиртовой завод мы тут поделили, пришлось на душу по два ведра. На другой станции баба подходила с корзинкой, говорила бойко: – Браток, сахару надо? – Графской завод мы делили, по пять пудов на душу на третьей станции делили на душу – свечной завод».

© Пильняк Б. А.

© ФТМ

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Борис Пильняк

Волки

В тысяча девятьсот семнадцатом году, в декабре, когда не рассеялся еще дым октября, когда дым только густел, чтоб взорваться потом осьмнадцатым годом, – когда первые эшелоны пошли с мешечниками, развозя бегущую с нарочей армию, в ураганном смерче матершины, – на одной станции подходил к вагону.

Мужичок, говорил таинственно:

– Товарищи, – спиртику не надоть ли? Спиртовой завод мы тут поделили, пришлось на душу по два ведра.

На другой станции баба подходила с корзинкой, говорила бойко:

– Браток, сахару надо? – Графской завод мы делили, по пять пудов на душу на третьей станции делили на душу – свечной завод.

Степь, ночь, декабрь – в городах на заводах, в столицах ковалась тогда романтика пролетарской революции в мир, а над селами и весями, над Россией шел пугачевский бунт, враждебный городам. Тогда поднимался занавес русских трагедий, увертюра октября отгремела пушками по Кремлю. Тогда надо было знать секрет, чтоб влезть в поезд – в сплошную теплушку: надо было шайкой в пятнадцать человек лезть с кулачным боем в первую попавшуюся теплушку, через головы, спины, шеи, ноги, в невероятной матершине и в драке на смерть. – И вот, была холодная декабрьская ночь. Поезд шел в степь. Каждый, кто ехал за хлебом, ехал тогда в первый раз, – поезд шел в степь, на диких степных станциях растеривая тех, кто, не желая умирать с голоду, брал быка за рога – просто вез себе хлеба. Теплушки были набиты человеческим мясом до крыш, это мясо было злбно и голодно, оно злбно молчало, когда шумел поезд, и оно рычало матершиной, когда поезд стоял: оно ехало из городов. И ночью поезд выкинул на дикую станцию полсотни людей. Луна уже сошла с неба, ночь помутнела, была черна, должно быть теплело перед снегом, на востоке едва-едва зеленело. За станцией был поселок, у станционной коновязи стояли возы, лошади мирно жевали, на возах валялись люди. Скоро узналось, что поселок переполнен людьми, – поселок не спал, то тут, то там вспыхивали огоньки спичек и папирос, но было очень тихо, потому что все шептались. Приехавшие – одни решали итти в трактир попить чаю и лечь часок поспать, другие – сейчас же итти по селам за хлебом: узнали, что ближайшее село в трех верстах. Несколько человек пошло к околице, – и когда они подошли к последней избе, где метелями были надуты сугробы и откуда открывалось черное пустое поле, – их остановила старуха.

– В Разгильдяево идете? – спросила она.

– Туда, а – что?

– Не ходите. Меня тута Совет приставил – упреждать. Волки очень развелись. На людей бросаются. Вчера ночью московского задрали, за мукой приезжал. А нынче с вечеру корову задрали. Погнали корову к колодцу поить, – как отбилась, никто не видел, – только, слышат, ревет корова, как свинья, за задами, – побежали мужики, видят – шагов сорок корова, а вокруг ней семь волков, – один волк тянет к себе корову за хвост, потом бросил сразу, корова упала, второй волк тогда корову за шею. – Когда подбежали мужики, полбока волки уж съели. – Не ходите.

Восток чуть бледнел, впереди лежало черное холодное поле. Среди идущих за хлебом был один, приявший романтику городской, машинной, рабочей революции, – и эта весть о волках, это холодное пустое поле впереди навсегда остались у него одиночеством, тоской, проклятьем хлеба, проклятьем дикой мужицкой жизни впережку с волками.

С тех пор прошло пять лет.

И новый пришел декабрь – великих российских распутий.

Глава первая

Монастырь лежал в лесу, у соснового бора, на берегу озера, – на болотах, на торфяниках, в ольшаниках, в лесах – под немудрым нашим русским небом. Монастырь был белостенным. По осеням, когда умирали киноварью осины, а воздух, как стекло, цвели кругом на бугорках татарские серьги. Неподалеку, в семи верстах, шел Владимирский тракт – старая окаянная Володимирка, по которой гоняли столетьем в Сибирь арестантов. И есть легенда о возникновении монастыря. Монастырь возник при царе Алексее Тишайшем. Смута уже отходила, и засел здесь на острове среди озера разбойник атаман – Бюрлюк, вора Тушинского военачальник, грабил, с божьей помощью, Володимирку: знал дороги, тропинки лесные, вешками да нарезями путины метил, – заманит, засвищет. И на Владимирском тракте однажды, кроме купцов, изловил Бюрлюк двух афонских монахов, с афонской иконой. Монахов этих убили, перед смертью монахи молились – не о себе, но о погибшей душе Бюрлюка, о спасении его перед господом, – о них же скажут богу дела их. Монахов этих убили, но икона их осталась, – и вскоре потом Бюрлюк перелил пушки на колокола, в месте разбойничьем стал монастырь. Легенд таких много на Руси, где разбойник и бог – рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.